

Монографическое исследование А. А. Бобринского посвящено конкретно-методологическим и методическим вопросам исследования техники и технологии гончарного производства у населения Восточной Европы. Работа базируется на результатах изучения большого этнографического, археологического и экспериментального материала. Впервые в научный оборот вводятся данные о современном гончарстве приблизительно из 750 очагов этого ремесла. Они были собраны главным образом непосредственно автором в течение последних 25 лет путем анкетного опроса населения по специальной программе, а также во время полевых обследований. Археологические материалы, использованные в работе, происходят из 370 памятников, относящихся ко времени от эпохи неолита до позднего средневековья. Для разработки методических вопросов автором были проведены многочисленные эксперименты по физическому моделированию различных элементов технологии гончарного производства, а также сравнительный анализ экспериментальных, археологических и этнографических материалов. В результате этой работы были выделены новые источники информации — данные о технологии изготовления глиняной посуды, служащие для решения ряда важных археологических и исторических проблем.

Работа состоит из предисловия, введения, семи глав, заключения и двух приложений, в которых приведены списки археологических памятников и очагов современного производства бытовой глиняной посуды, материалы из которых использованы автором.

Во введении рассматривается история изучения гончарства восточноевропейского гончарства, сформулированы задачи исследования, охарактеризованы источники, на которых построена работа.

Автор выделяет четыре этапа в изучении техники и технологии древнего гончарного производства: первый — с начала XVIII в. до середины 60-х годов XIX в. характеризуется возникновением интереса к сосудам из античных памятников (лишь к целым экземплярам), а рядовая керамика и современное народное гончарство еще не попали в поле зрения исследователей; второй — с 1865 по 1917 г. — зарождением и начальным формированием представлений о восточноевропейском гончарстве как предмете науки (К. П. Тышкевич, А. Котляревский, В. И. Сизов, В. А. Городцов); третий — с 1917 г. до Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — быстрым накоплением новых археологических и этнографических материалов по гончарству, уточнением тематики технико-технологических наблюдений (Д. К. Зеленин, М. В. Воеводский, А. В. Арциховский, Б. А. Рыбаков); четвертый — с 1945 г. до наших дней — характеризуется превращением историко-технологического изучения керамики в особое научное направление (Б. А. Рыбаков, В. Голубович, Я. В. Станкевич).

Однако для создания системы технико-технологического анализа керамики и конкретизации знаний по истории гончарства накопленных сведений оказалось недостаточно. Это побудило А. А. Бобринского провести анкетный опрос населения (главным образом в европейской части РСФСР и в некоторых областях БССР и УССР) с целью выявления современных очагов гончарного производства, а затем обследовать ту часть этих очагов, где сохранились архаичные черты технологии.

Новые этнографические и археологические материалы, собранные автором, а также данные лабораторных экспериментов позволили поставить и решить в рецензируемой монографии две важнейшие историко-технологические задачи: создание системы технико-технологического анализа керамики и выяснение современных возможностей использования данных такого анализа в качестве одного из источников для исследования истории населения Восточной Европы.

История развития навыков труда в гончарстве неразрывно связана с историей самих производителей и потребителей посуды. На разных этапах экономического развития (при домашнем производстве посуды, ремесленном производстве на заказ, ремесленном производстве с рыночным сбытом продукции) между производителями и потребителями возникали различные по своему характеру связи и отношения. Поэтому первая глава посвящена анализу и приемам выявления различных экономических форм гончарного производства. Автор предлагает понятие «развитие функций круга», которое характеризует степень использования вращательного движения этого инструмента при конструировании посуды. В результате анализа этнографических данных автор выделяет семь этапов развития функций круга, показывая, что общая тенденция состоит в увеличении доли машинных (т. е. с использованием вращательного движения круга) и сокращении доли ручных навыков труда. Обнаруживается закономерный характер связи между функциями, какие выполнял гончарный круг при конструировании сосуда, и разными экономическими формами гончарного производства. Это подтверждается анализом археологических материалов из хорошо изученных памятников (стр. 34—37).

Таким образом, благодаря проделанной работе появилась возможность выделять среди массы керамики продукцию домашних и ремесленных (на заказ) производств, которая потреблялась, как доказывает автор, по преимуществу внутри тех же поселений, где производилась, т. е. среди людей, либо находящихся в родственных отношениях с гончаром, либо принадлежащих к одной и той же этнической группе (стр. 26). По-

этому для изучения истории древнего населения наиболее перспективно использовать не всю керамику, а только продукцию доремесленных и ремесленных (на заказ) производств.

Весь процесс производства глиняной посуды разделен автором на три последовательных стадии (подготовительную, созидательную и закрепительную), а внутри них — на отдельные ступени. Этот процесс рассматривается в виде единой взаимосвязанной системы, на каждой ступени которой решаются строго определенные технологические задачи, связанные с созданием сосуда.

Остановившись на некоторых общих закономерностях, выявленных А. А. Бобринским. Анализ этнографических данных позволил автору выделить два качественно разных состояния технологии гончарного производства. Первое характеризуется однородной по составу системой навыков труда, второе — существованием смешанных навыков. Детальное изучение этнографических материалов привело А. А. Бобринского к выводу, что навыки труда в гончарстве, особенно при домашнем и ремесленном (на заказ) производствах, передавались почти исключительно по родственному каналу. Поэтому однородная система навыков труда, вероятно всего, свидетельствует об однородном в культурном отношении составе населения. Напротив, сосуществование смешанных навыков труда внутри одной системы гончарной технологии (например, у одного гончара или группы гончаров в рамках одного поселения или ряда поселений) есть несомненное свидетельство того, что это население является в культурном отношении смешанным. Однородная система навыков труда может сохраняться неопределенно долго.

В работе выделены две группы навыков труда: приспособительные, которые способны наиболее быстро изменяться в условиях процессов смешения населения с разными культурными традициями в гончарстве (обычно в течение нескольких лет), и субстратные навыки, которые даже в условиях такого смешения сохраняют свою качественную специфику очень долго (в течение нескольких поколений). Обнаружение в материалах памятника керамики с признаками использования смешанных навыков труда — яркое свидетельство смешанного состава населения. Указанные особенности прослеживаются на всех ступенях процесса производства. Таким образом, анализ традиций гончарного производства позволяет не только фиксировать сам факт смешения разных в культурном отношении групп населения, но и изучать ход этого процесса.

Главы вторая и третья посвящены соответственно анализу навыков отбора исходного сырья и подготовки формовочной массы. В них рассматриваются различные уровни развития представлений о глине как о сырье для производства керамики, навыки непосредственного отбора глин, содержащих те или иные виды грубых естественных примесей (песок, ракушка, бурый железняк и т. д.), разные культурные традиции подготовки формовочных масс (смешение глины с теми или иными видами неглинистых материалов: дресвой, шамотом, экскрементами животных и птиц и т. д.), а также приемы выявления всех этих особенностей по керамике.

Навыки отбора сырья и подготовки формовочной массы относятся к группе приспособительных. Они первыми начинают реагировать на изменение состава населения. Напротив, представления о глине как о сырье обладают большой устойчивостью и поэтому входят во вторую группу (субстратных навыков).

Главы четвертая, пятая и шестая посвящены анализу навыков непосредственного конструирования посуды. В них последовательно разбираются приемы изготовления начинов, полого тела и навыки формообразования. Изучение этнографических и археологических материалов позволило зафиксировать в современном и древнем гончарстве существование как однородных, так и смешанных навыков труда. Навыки создания начини и полого тела относятся к группе субстратных, причем начини являются самым устойчивым элементом технологии (полное их изменение в условиях смешения населения происходит в течение жизни пяти-шести поколений гончаров). Навыки формообразования занимают промежуточное положение между субстратными и приспособительными, их изменение в ходе смешения населения идет с различной скоростью, но, как правило, завершается в течение жизни одного-двух поколений.

На основании анализа особенностей бытования разных навыков изготовления начинов, полых тел и формообразования А. А. Бобринский смог установить некоторые факты из истории населения Восточной Европы, которые раньше или совсем не были известны, или же были недостаточно строго научно аргументированы. Одним из примеров этого могут служить его наблюдения о жгутовой технике начини у носителей зарубинецкой и черняховской культур, что свидетельствует об устойчивости структурных и технологических признаков начинов на протяжении всего этого времени в Юго-Восточной Европе. Это является одним из важных доказательств участия зарубинецкого или родственного ему населения в сложении черняховской культуры.

Анализу навыков обработки поверхностей керамических изделий посвящена седьмая глава работы. На основании изучения собранного автором этнографического материала делается принципиально важный вывод, что изменение этих навыков не обязательно связано с изменениями в составе населения, так как к ним «в какой-то мере приложимо понятие моды, но моды, отягченной традиционными нормами культуры» (стр. 221). Поэтому различные особенности обработки поверхностей без учета других элементов технологии не могут служить строго достоверным этнокультурным признаком. Эти навыки относятся к группе приспособительных и стоят на третьем месте после навыков отбора сырья и составления формовочных масс.

Особенно важными в рецензируемой монографии представляются те разделы, где подробнейшим образом разобраны признаки использования различных технологических приемов работы и методы их выявления по керамике из раскопок археологических памятников. Достоверность их вряд ли может вызвать сомнение, поскольку они выявлены в результате сравнительного анализа многочисленных этнографических, археологических и экспериментальных данных.

В заключении сформулированы основные выводы исследования. Создание системы технико-технологического анализа керамики и выяснение особенностей эволюции каждого элемента технологии в условиях смешения населения позволили вполне обоснованно обратиться к «изучению одного из наиболее сложных проявлений этнокультурного развития древнего населения — процесса смешения и слияния разных в культурном отношении групп населения и образования на их основе новых этнокультурных единиц» (стр. 242). В результате проделанной работы по обобщению и систематизации этнографических и археологических материалов А. А. Бобринский выделил шесть последовательных этапов процесса смешения населения, которые можно выявить по керамике. В работе дается пример комплексного анализа технологии керамики по двум городищам, которые относятся исследователями к культуре штрихованной керамики, и последующего использования полученных данных для изучения истории древнего населения этих памятников. Автор убедительно показывает, что сходство в группе приспосабливаемых навыков, создающее картину внешней однородности керамики, в сочетании с существенными различиями по субстратным (т. е. наиболее устойчивым) навыкам не может служить основанием для заключения об изначальной родственности населения обоих памятников. Представляет интерес также попытка автора сочетать данные анализа технологии керамики с изучением лексики гончаров. Это позволило ему считать правомерными поиски праславянских древностей на территории Восточной Европы в эпоху раннего железа (стр. 265).

Хотим отметить, что работа А. А. Бобринского занимает совершенно особое место в плане подхода к изучению археологического материала — в ней нашел широкое применение принцип системного анализа производственного процесса и отдельных его звеньев.

Книга хорошо иллюстрирована и документирована серией карт и фотографий, а также рисунков и схем, поясняющих те или иные особенности технологических приемов.

Несомненно, что работа, предпринятая А. А. Бобринским и сотрудниками возглавляемой им лаборатории в Институте археологии АН СССР, имеет богатые перспективы. Рецензируемая монография дает возможность по-новому подойти к изучению истории гончарного производства, а также этнокультурной истории восточноевропейского населения.

Однако некоторые вопросы следовало бы шире осветить в книге, учитывая ее не только теоретическое, но и большое практическое значение. К ним относятся: вопрос о признаках различения сосудов, изготовленных на ручном и ножном гончарном круге; вопрос о ремонте глиняной посуды и дальнейшем ее использовании, а также вопрос о различных способах обжига сосудов. Этнографические и экспериментальные данные об обжиге еще предстоит собрать и проанализировать — это должно стать темой дальнейших исследований.

Отмеченные замечания, естественно, не могут повлиять на высокую оценку основного содержания и общих выводов исследования. Рецензируемая работа является важным пособием для археологов и этнографов при работе с керамикой и изучении древнего гончарства и населения.

В. Д. Баран, И. С. Винокур

М. Б. Мужухоев. Средневековая материальная культура Горной Ингушетии (XIII—XVII вв.). Грозный, 1977, 179 стр.

В 1971 г. в Москве издательством «Наука» была посмертно опубликована монография Е. И. Крупнова «Средневековая Ингушетия», в которой анализировались работы по изучению этого края, вышедшие вплоть до конца 60-х годов. В рецензируемой книге заведующий сектором археологии и этнографии Чечено-Ингушского научно-исследовательского института М. Б. Мужухоев вводит в научный оборот некоторые новые полевые материалы и подвергает анализу ряд вопросов, включающих интерпретацию башенных поселений, характеристику погребальных и культурных памятников горной зоны Ингушетии.

В главе I книги рассматривается археолого-этнографическое изучение Ингушетии, однако библиография доведена лишь до 1972 г. К сожалению, и в этом виде она неполна. Не упомянуты, например, такие исследования, как диссертация С. Ц. Умарова, в которой рассматривается тот же круг вопросов на материалах соседней и этнически чрезвычайно близкой Чечни (для сравнения в работе привлекаются и ингушские материалы)¹, как архитектурно-археологические изыскания в округе знаменитого храма

¹ С. Ц. Умаров. Средневековая материальная культура горной Чечни, XII—XVII вв. Автореферат канд. дис. М., 1970.